
СОДЕРЖАНИЕ

Вест-Индия	7
В море	23
Кораблекрушение	40
Инагуа — забавный островок	51
Жизнь на острове	74
Жизнь в полосе прилива	99
Рождение острова	126
Ветер	152
Переплетающиеся нити островной жизни	181
Обитатели тьмы	211
Загадочная миграция	233
В поисках розовых птиц	244
У барьерного рифа	272
В защиту осьминогов	295
Чудо приливов	314
Акулы	336
Ночью на дне океана	357
На краю мира	384
Словарь морских терминов	396
Комментарии	400

ВЕСТ-ИНДИЯ¹

В холодном сумраке ноябрьского вечера дрейфовал наш парусник. Текучие струйки тумана кружились около мачт и медленно растворялись в пустой серой мгле, окружавшей судно. Было очень тихо. Только слабый плеск небольших волн о борт да заглушенный туманом тоскливый крик чайки нарушали безмолвие.

На провисших шкотах длинными рядами блестели капли, они срывались и со стуком падали на мокрую палубу. Напрасно я напрягал слух, надеясь услышать сирену или судовой колокол, — только блок тихо поскрипывал на верхушке мачты. Опять где-то вдали закричала чайка, но тут же смолкла.

Вот уже пять дней мы дрейфуем в серой мгле, ощупью движемся неизвестно откуда неизвестно куда, и паруса наши то часами висят неподвижно, то едва надуваются от бессильного ветра. Пока я стоял на палубе, слабый ветерок принес с собой неясный запах соляных болот и гниющих водорослей, натянул было шкоты и умер, едва успев родиться. Штурвал повернулся немного, скрипя как бы от огромной усталости, и тоже замер.

Я выколотил пепел из трубки, стряхнул воду с дождевика и открыл дверь в каюту. Навстречу вырвалась волна

теплого воздуха, полного запахов кухни и приглушенных звуков величественной «Финляндии» Сибелиуса.

Высокий, светловолосый, похожий на северянина Уоли Колман, первый помощник капитана, он же кок и мой единственный спутник, весело улыбнулся мне, я сошел по трапу и вяло опустился на койку. Колман держал над плитой полную сковородку коричневых шипящих устриц, а другой рукой готовился остановить маленький, прикрученный к полке над койкой патефон, на котором стояла пластинка Сибелиуса.

— Ветра все нет? — спросил он.

Отрицательно покачав головой, я улегся на одеяла, но беспокойство охватило меня. Туман висел и висел, застилая все вокруг и задерживая наше путешествие. Я тревожился, предчувствуя, что это затянувшееся затишье, изредка нарушаемое ревом нашего горна, — лишь прелюдия к чему-то более серьезному. Была вторая половина ноября, приближались декабрьские штормы, и мне не терпелось поскорее покинуть северные воды.

Через иллюминаторы я видел, что свет тускнел, уступая место густеющему сумраку. Он не был глубоким и плотным, этот сумрак, в нем было что-то неуловимое, делавшее его призрачным и нереальным. Шел пятый вечер с тех пор, как дневной свет исчез в пустой мгле.

Колман зажег керосиновую лампу, укрепленную в медном подвесе, и при ее мягком свете мое уныние рассеялось. Он поставил на столик дымящуюся кучу устриц с картофелем, горячий кофе и необъятную грудку черных сухарей с маслом. От соленого воздуха аппетит разыгрался, и мы молча и жадно набросились на еду. Наевшись, мы прилегли отдохнуть и покурить. Но прежде мне пришлось выйти на палубу, ощупью пробраться к грота-штагам, отыскать штаговый фонарь, зажечь его и повесить на место. Туман стоял такой

густой, что огня не было видно в трех метрах. Затем я измерил глубину и бросил якорь. Судя по глубине, мы стояли где-то посреди Чесапикского залива, но где именно, я не знал.

Я спустился обратно, закурил трубку, затянулся несколько раз и оглядел нашу уютную каюту. В ней — все, что может понадобиться двоим путешественникам для многомесячного плавания. От всех других кают она отличалась тем, что одна половина ее была целиком занята специально сконструированным длинным лабораторным столом. На столе сверкала масса разноцветных бутылок с химикалиями и множество различных инструментов — все это на случай качки было туго прикреплено скобами к переборке. К крышке стола был привернут биноклярный микроскоп в водонепроницаемом чехле. Рядом стояла полка с полдюжиной шприцев — от самого маленького на два кубических сантиметра до самого большого, емкостью почти в пол-литра, внушительно поблескивавшего стеклом и никелем. На той же полке стоял ящик с хирургическими инструментами — зажимами, крючками, щипцами, скальпелями, иглами и пинцетами. Под полкой помещалась доска для анатомирования с двумя стоками, ведущими в ослепительную раковину из монель-металла, разделенную надвое. Одна половина была пуста, в другой лежали ванночки для проявителя и фиксажа и аппарат для промывки фотографий. Тут же стоял небольшой фотоувеличитель с автоматическим выключателем и несколько держателей для сушки и обработки пленки. Ящички стола заполняли сачки, сетки, коробки для бутылок с образцами, фотопленки, ружья и разные другие вещи. На столе стояли полки со справочниками — большими томами в унылых серых и коричневых переплетах.

И наконец, последние пять футов стола, ближе к корме, были отведены искусству навигации — об этом свиде-

тельствовали карты и хронометр, невозмутимо тикавший в своем мягком плюшевом чехле. Около хронометра стоял ящик с секстантом и ночными биноклями.

Напротив лабораторного стола помещался камбуз. Чтобы не мешал жар, камбуз был отгорожен от остальной части каюты, и Колман колдовал в нем над устрицами и кофе. Ближе к корме, в свободном пространстве под палубными бимсами, приютились наши койки — по одной с каждого борта. Только здесь мы могли свободно проявить свою индивидуальность, — всей остальной территорией мы владели сообща.

Колман — заядлый курильщик, и поэтому у него под рукой была полка с великолепной коллекцией трубок и надежно прикрепленная к переборке табакерка с желтым табаком. Над его койкой, также основательно привинченные, висели три картины: «Улыбающийся офицер» Франса Хальса, японский эстамп с белой цаплей, изящно балансирующей на одной ноге, и еще одна картина, более сурового содержания, под названием «Гольфстрим». Эта последняя, кисти Уинслоу Гомера, изображала бурное море, судно, чуть поменьше нашего, со снесенными мачтами, и одинокого человека, в безучастной позе стоящего на палубе и мрачно наблюдающего за большой голубой акулой, медленно кружащей вокруг корабля. Колман купил эту картину, когда мы еще только обдумывали наше путешествие. Она поразила его воображение, и он повесил ее сначала у себя в комнате, а потом здесь, в каюте, в насмешку над морем.

Мне картина тоже нравилась, но не нравилось, что Колман смеется над морем. Я не раз видел море в гневе и знал, что с ним шутки плохи, но Уоли все же повесил картину да еще посмеялся над моим суеверием.

Вокруг обеих коек висели полки с книгами. В глаза бросалась пестрота библиотеки: несколько томов стихов,

трактат или два по философии, несколько современных романов, с десятков биографий древних римлян (мое любимое чтение), еще несколько специально отобранных книг и несколько книжек менее серьезного содержания. Около камбуза в водонепроницаемом шкафу помещались граммофонные пластинки из наших личных коллекций: Вагнер, Григ, Пуччини и кумир Уоли — Сибелиус. Тут же стоял патефон, на котором, наверно, уже в восьмой раз со времени ужина крутилась пластинка с величественной «Финляндией».

Здесь, в тесном помещении, собрано все необходимое для того, чтобы обеспечить приятное существование и души и тела — сухие койки, теплая печка, табак, запасы продовольствия, лучшие образцы мировой музыки в граммофонных записях, хорошие книги. Впереди нас ждали приключения.

Но центром всего был лабораторный стол. Все судно, вся каюта подчинялись ему. Стол был сердцем судна, причиной его существования и единственным оправданием нашей экспедиции.

У каждого человека свои представления о любви и благоденствии, свои надежды на мир и безмятежную жизнь, на успех и на славу; у каждого своя мечта, которую он хранит в сердце и пытается осуществить. Человеческие устремления столь же различны, сколь различны люди. У одних мечты рождаются из пустоты, у других — из суровой необходимости; да и сами мечты разные — яркие или туманные, живые или бесплотные. Но как бы там ни было, наш мир зиждется на фундаменте человеческих надежд и желаний. Наше судно сначала тоже было только фантазией.

Сколько я себя помню, я всегда мечтал о паруснике, легком, с высокими мачтами, с тугими парусами и стреми-

тельным белым корпусом. Многие мечтают о подобных вещах. Но мои мечты крепили с годами, питаемые непосредливостью, которая и поныне владеет мной и которую трудно объяснить даже самому себе. Есть мечты, возникающие внезапно и столь же внезапно исчезающие. Другие, более постоянные, растут медленно, набирают силу годами, как дети, обретают ясность и потом воплощаются в жизнь. Так было со мной. Смутные грезы о путешествиях сменились твердыми намерениями. Но для этого должно было произойти событие, благодаря которому моя мечта оформилась и стала осуществимой.

Все началось в удивительной маленькой республике Гаити, где я участвовал в биологических изысканиях, проводимых Американским музеем естественной истории. Еще до этого из-за финансовых затруднений и общественных обязанностей я, как и многие из нас, был вынужден заняться коммерцией и провел несколько лет в самом ее пекле. Мой старый друг Уоли Колман, вместе с которым мы мечтали обзавестись судном и пуститься в дальние странствия, ушел в медицину, и казалось, что надежды наши никогда не сбудутся. Но тут появилась возможность поехать на Гаити и провести для Американского музея исследования, которыми я интересовался уже несколько лет.

На Гаити я вдруг ясно осознал, что образ жизни, который я там веду, вполне меня устраивает. В качестве биолога-любителя я мог свободно предаваться своей страсти к посещению новых мест, поискам новых видов животных, изучению их особенностей; если мне хотелось (а мне это хотелось всегда) узнать, что скрывается в соседней долине, или за изгибом берега, или за горой, то возможностей к этому было хоть отбавляй. Подходила пора возвращаться домой, как вдруг меня заинтересовала проблема, для реше-

ния которой надо было изучить другие острова Вест-Индии, особенно те из них, которые безлюдны и редко посещаются.

Именно чары островов, спрятанных далеко за горизонтом, и сделали мечту явью. Острова эти лежат далеко-далеко, разбросанные в голубом просторе между Багамскими островами и пустынным побережьем Юкатана. На многие никогда не ступала нога естествоиспытателя, а если это и случалось, то едва ли он проводил там более нескольких часов. Мне же хотелось пробыть на островах столько, сколько потребуется, и изучить все особенности их животного мира. Загадка этих островов интересовала меня больше всего на свете, и естественно, что лучше всего ее можно было решить, снарядив специальную экспедицию. Тем самым осуществилась бы моя давнишняя мечта. А для успешной работы нужно, чтобы вам жилось покойно, чтобы ничто не отвлекало, больше того, нужна даже некоторая роскошь — свежая, чистая пища, а после тягот трудового дня — книги и музыка. Так почему бы не бросить дела и не пуститься к островам на собственном, специально снаряженном судне?

Конечно, для экспедиции требовались деньги. Хотя их отсутствие и смущало меня, дело было не только в этом. А две тысячи миль открытого океана между Штатами и Вест-Индией? А ураганы, а тайны навигации? И прежде всего, конечно, судно — как найти и снарядить его?

Но я загорелся идеей уже настолько, что послал письмо старому другу Уоли Колману. Как бы он посмотрел на такое путешествие? Я ждал ответа с нетерпением. Он не заставил себя ждать. «Я — за, — гласило письмо. — Когда отплываем?»

Я спешно закончил свои дела на Гаити и вернулся в Штаты.

В Америке все оказалось не так просто. Самой сложной проблемой было финансирование предприятия. Неделями и месяцами мы поджимались и экономили то на том, то на этом, пока не решили, что скопили достаточно. Затем надо было связаться с нужными людьми, окончательно договориться с музеем. Предстояло бесконечное обсуждение научных задач экспедиции и методов работы. Ночи напролет мы просиживали за картами, намечая маршрут, и это напоминало нам о тех давно минувших днях, когда мы проделывали то же самое, но только в мечтах.

Различные практические соображения, в том числе финансовые, вскоре привели нас к выводу, что экспедиция должна быть небольшой. Аренда яхты и содержание команды были нам не по карману. С другой стороны, программа исследований предполагала, что нам придется заходить в бухты и гавани, недоступные для судов с большой осадкой. Значит, требовалось судно настолько малое, насколько позволял объем стоящих перед экспедицией задач.

В конце концов мы стали обладателями небольшого парусника и заручились поддержкой крупнейшего музея, не без страха думая о том, что затеяли. Но до самой экспедиции было еще далеко. Полтора года ушло только на то, чтобы достать судно. Мы не могли взять первое попавшееся: наш парусник должен был удовлетворять многим требованиям. Он должен был быть прочным, надежным и обладать хорошими мореходными качествами. В нем должны были быть удобные помещения для жилья и работы, место для запасов воды и продовольствия на длительный срок, чтобы иметь возможность свободно передвигаться. И наконец, нам нужно было судно, которым в любую погоду мог бы управлять один человек. Найти такое судно было не легко. Мы обрыскали все побережье, весь Чеса-

пикский залив. Ничего подходящего: нам попадалось одно старье, узкие, ветхие лоханки, слишком большие или слишком маленькие, — словом, все что угодно, только не то, что нужно. Наши поиски закончились совершенно неожиданно. На небольшой верфи в Оксфорде, в штате Мэриленд, мы наткнулись как раз на то, что требовалось. «Продается ли парусник?» Нам ответили, что не продается, потому что у хозяина тоже есть свои планы, но нам могут построить такой же. Не прошло и месяца, как мы заключили контракт.

Оказалось, что мы выбрали знаменитую модель, — точнее говоря, один из самых знаменитых типов парусников всех времен. Нашему судну, за исключением каюты и оборудования, предстояло быть точной копией знаменитого «Спрея» капитана Джошуа Слокама, который, как известно, в конце 1890-х годов первый совершил кругосветное путешествие в одиночку. Этим он создал прецедент в истории мореплавания и с очевидностью доказал, что плавание в открытом океане на малых парусных судах не только возможно, но и безопасно. За это ему честь и хвала. Время показало, что, если бы и нам захотелось обойти вокруг света, мы не могли бы выбрать для этого лучшее судно.

Но это было только начало. Затем потянулись долгие месяцы ожидания, столь тягостного для людей, которым не терпится поскорее отправиться в путь; мы без конца составляли и переделывали планы будущей работы, обсуждали научную проблематику, вдаваясь в мельчайшие детали. Успех любой экспедиции, большой или малой, в особенности столь рискованной, как наша, в большой мере зависит от того, как она подготовлена. Мы будем целые дни, даже недели вдали от обитаемых мест. Впереди штормы и полосы безветрия, впереди неизведанные земли — все нужно предусмотреть, во всем придется пола-

гаться только на себя. И самое главное — на нашем маленьком тридцативосьмифутовом суденышке мы должны собрать и доставить в сохранности все научные образцы, которые удастся раздобыть.

В жизни почти каждого человека бывают моменты, когда он останавливается в нерешительности и задумывается над тем, что ему предстоит. Случалось, пожалуй, что и у нас с Колманом тряслись поджилки. Нас не страшили лишения, которые предстояло испытать, — скитания, туризм, байдарочные походы закалили нас; но слишком велика была ответственность перед музеем, хранитель которого настолько поверил в нашу идею, что решил оказать нам максимальное содействие, доверив ценное оборудование. В случае провала предприятия это грозило ему уймой неприятностей. Мы горели желанием доказать, что наша необычная экспедиция действительно будет плодотворной. Необычной она была потому, что почти все морские экспедиции совершаются на больших шхунах или яхтах, укомплектованных командой и целым штатом научных сотрудников. Но естествоиспытатели средней руки в большинстве случаев люди небогатые, и такого рода путешествия им не по карману. Мы хотели доказать, что два человека на небольшом судне могут с успехом отправиться в большое плавание и не только вернуться живыми и невредимыми при любых условиях, но и добиться серьезных научных результатов. Возможно ли это? Многие сомневались.

Однако наша мечта росла, как растет, скатываясь с горы, снежный ком. Мы упорно шли к цели и в захлестнувшем нас потоке забот забыли все сомнения. Сперва мы разместили оборудование так, чтобы оно всегда находилось под рукой. Затем продовольствие — запас на полтора года — как по волшебству исчезло в трюме, а ведь когда два грузовика с провизией появились в балтиморском

доке, мы стояли и с сомнением покачивали головой. Мы просто не представляли себе, как разместить всю эту массу на тридцативосьмифутовом суденышке, половина которого занята под каюту и лабораторию. Но мы разместили не только это. За провизией последовали инструменты для сбора экспонатов, жестянки для консервирования, сетки, банки, этикетки для образцов и прочая утварь. Потом — ружья и ящики с патронами в количестве, достаточном для небольшого мятежа, пишущие машинки, фотоаппараты, пленка в водонепроницаемых коробках, банки с растворами и еще тысяча и одна вещь, необходимая в экспедиции. Все это было поглощено чревом нашего судна и расставлено по специально сооруженным шкафам и полкам таким образом, чтобы всегда находиться под рукой.

Пролетело лето, потом ранняя осень, наступил ноябрь; день отплытия на носу. Мы с гордостью взирали на парусник. Мы не пожалели трудов, чтобы он стал воплощением нашей мечты. И мечта превратилась в реальность, приняв формы стройных мачт, тугих парусов и мощного корпуса. Теперь мы бы не поменялись местами с самым богатым банкиром Уолл-стрит.

Не было ни фанфар, ни барабанного боя, когда наш парусник покидал Балтимор. Никем не замеченный, кроме разве кучки портовых бездельников, он тихо отошел от причала и заскользил по течению, миновал грязные пирсы Балтимора, громадные верфи и в клубящихся облаках дыма взял курс в открытое море. Неясные очертания высоких домов постепенно сливались и наконец вовсе исчезли из вида. С севера потянул свежий ветер, наполнил паруса, и нос корабля весело врезался в воду. Струи воды из-под киля ударились о руль, и штурвал мелко задрожал. Наконец-то наш парусник плывет. Пусть он невелик, зато над головой у нас белые паруса, а впереди — Вест-Индия!

Не успели мы выйти из балтиморского порта, не успел стихнуть печальный звон колоколов на бакенах у входа в гавань, как дымка со стороны берега стала густеть, опускаться все ниже и ниже, пока все вокруг не затянула белая влажная пелена, целиком скрывающая от нас берег. Ветер затих. Проходил час за часом, а мы то стояли без движения, то медленно тащились по заливу, руководствуясь только компасом. Отовсюду доносились хриплые гудки невидимых пароходов, пробирающихся в порт, и приглушенный звон колоколов тех, что стояли на месте, выжидая, пока рассеется туман.

Только раз из тумана вырос черный, засиженный чайками буй. Какое-то мгновение он высился над фальшбортом, затем снова исчез. По надписи на нем мы уточнили курс и с тех пор в продолжение пяти дней не видели ничего, кроме неподвижной воды за бортом да непроглядной, клубящейся мглы.

Спустившись в каюту, мы поговорили немного, выкурили по трубке и легли спать. Около полуночи я проснулся. Мне показалось, что что-то неладно. Колман тоже не спал. Снаружи доносился плеск волн о корпус, но звук был какой-то странный. В одних пижамах мы вышли на палубу. Кругом темно, только тусклый штаговый фонарь немного разгонял темноту. Туман рассеялся, но мрак стоял такой, что в десяти шагах ничего нельзя было разглядеть. Мы заметили, что, хотя тумана и нет, звезд не видно. Подошли к якорной цепи. Она висела отвесно. Мы вытянули ее на фут, два, три — дальше обрыв. Она лопнула у самой ватерлинии — нас носило по заливу.

И тут начался шторм. Сначала из темноты налетел пронизывающий холодный ветер, но шквал вскоре стих и сменился полным штилем. Пошел дождь, капли забулькали, ударяясь о воду. Мы спешно взяли три рифа. Ни в коем слу-

чае нельзя было допустить, чтобы нас снесло через залив к берегу. Это означало бы крушение всей экспедиции. Мы еще возились с парусами, когда снова налетел шквал; резкий, холодный ветер промчался над водой, разбивая тучи брызг о корпус судна. Захлопала мокрая парусина, заскрежетали блоки, воздух запел в тугих снастях. Парусник накренился и, как испуганный зверь, рванулся в темноту.

Передо мной в слабом свете штагового фонаря (ходовые огни — красный и зеленый — мы еще не поставили) мелькнул Колман — мокрый, в мокрой пижаме, цепляющийся за шкоты кливера. И тут разверзся ад кромешный. Взять рифы на бизани мы не успели, ее сорвало почти целиком, и она держалась только за один угол, хлопая и гремя так, как может греметь и хлопать во время шторма мокрый парус. Казалось, что бизань-мачта и рангоут вот-вот будут снесены. Поставив судно против ветра, мы ринулись на корму. Парус хлестнул Колмана по плечам. Он растянулся на скользкой палубе, но встал и снова бросился к нему. Это было все равно, что бороться в темноте с разъяренным быком. Жесткая шкаторина била, хлестала, молотила по телу, по рукам, по ногам. Мы попытались накинуть линь на мечущуюся бизань, и это нам почти удалось, но новый свирепый порыв ветра вырвал его из наших рук. Колман опять мелькнул передо мной уже без пижамы, только на бедрах болтались остатки брюк. По его голому телу струилась вода, волосы мокрыми прядями прилипли ко лбу. Несмотря на страшный холод, пот катил с нас градом. Пальцы были разбиты в кровь гафелем, на котором продолжал неистово трепыхаться парус. Наконец мы накинули на него линь и стали умирять его, притягивая сантиметр за сантиметром, пока наконец не привязали.

Мы ослабили натянутые как струны шкоты, с минуту отдохнули и повернули парусник навстречу шторму. Поло-

жение было отчаянное. Позади, быть может, совсем рядом, — не защищенный от ветра берег, а впереди — лабиринт мелей. Только бы заметить маяк. Ища укрытия, мы шли навстречу ветру. Вот наконец и маяк — это остров Шарпа, возле устья реки Чоптанк. Мы повернули туда.

С каждой минутой шторм усиливался, и постепенно мы оказались в самом центре ревущего пенного ада. Если Чесапикский залив ведет себя так, чего же ждать от океана? Не дай бог, если мы и там попадем в такую же переделку. Мы боролись с ветром всю ночь и едва удерживались на месте; наконец тусклый луч пробился из-за облаков и осветил устье реки. Мы тщетно пытались войти в него. Нас снова и снова отбрасывало назад, но мы делали все новые попытки. День стал клониться к вечеру, а шторм продолжал усиливаться. Отчаявшись, мы решили капитулировать, пока было еще светло.

Бросили якорь около самого берега. Остров, находившийся в нескольких милях, защищал нас от ветра. Мы надеялись, что запасной якорь выдержит. Мы оставались на месте три дня, выжидая, пока кончится шторм, и нам многое пришлось претерпеть, прежде чем удалось выйти в открытый океан.

Если мы когда-либо могли усомниться, что достигнем Вест-Индии, то для сомнений наступил самый подходящий момент. И все же мы не сомневались. Мы выдержали шторм, и это придавало нам духу. Однако штормом лишь открывался целый ряд постигших нас неудач. До океана еще добрая сотня миль — половина Чесапикского залива. В Оксфорде нам предстояло заново покрыть днище медной краской. Но оказалось, что все против нас. Когда мы пришли в Оксфорд, выяснилось, что шторм отогнал воду от берегов, и она стояла так низко, что подойти к стапелям было невозможно. Пока мы ожидали подъема воды, раз-

разился новый шторм — на этот раз он налетел с северо-запада — и отогнал воду еще дальше. Мы долго не могли получить и заказанный нами новый якорь с цепью, хотя стихии тут были как будто ни при чем.

Подошла середина ноября, а мы еще не были готовы к плаванию.

Но рано или поздно всему приходит конец, и вот наступил день, когда наш парусник, приведенный в полный порядок, соскользнул со стапелей в тихие воды реки Тред-Авон. Мы назвали его «Василиск»², по имени тропической ящерицы из Центральной Америки, которая, как клоп-водомерка, может бегать по поверхности воды. Мы надеялись, что «Василиск» так же, как и его предшественник «Спрей», впишет свое имя в историю мореходства. В этот день в наше чувство гордости не вкрадывалось ни тени сомнения. Солнце ярко светило, все вокруг дышало жизнью. Ласковый ветерок наполнил паруса и погнал парусник по заливу. Мы миновали флотилию лодок, и ловцы устриц приветствовали нас, потому что все на побережье уже знали о нашем предприятии. Казалось, злключения остались позади. Но так только казалось. Вечером, когда солнце село в оранжево-багровом зареве, спустился густой туман и погрузил нас в белую непроглядную мглу. Снова по заливу разнесся печальный звон судовых колоколов. Прошел день, другой, а туман по-прежнему застилал все вокруг, заглушая даже возню уток, плескавшихся где-то поблизости.

Мы все же пытались продвигаться вперед, ловя вялое дуновение ветра каждым дюймо́м паруса. Нами овладело уныние; бесконечные отсрочки и задержки нагоняли тоску.

Минула ночь, другая, туман все не рассеивался. Однажды мы прошли мимо большого судна. Сначала донесся звон склянок, затем оно и само возникло из тумана и через